

УДК 94(473)“1918-1938”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/61/9

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ РУСИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (1918–1938 гг.)

Т.В. Пиковская

Винницкий национальный аграрный университет

Украина, 21000, г. Винница, ул. Солнечная, 3

E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена национальному вопросу в программах русинских политических партий в период пребывания Закарпаття в составе Первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.). Исследованы программы русинских политических партий. Установлено, что основным требованием большинства из них было предоставление автономии Подкарпатской Руси. Отказ чехословацкой власти исполнить это требование привел к обострению политической ситуации в крае. Двумя наиболее мощными идеологическими направлениями были украинофильство и русофильство. Полиэтничность населения Закарпаття способствовала развитию партий других национальных меньшинств – венгерской, польской, цыганской, еврейской. Также в Подкарпатской Руси были достаточно популярны общегосударственные партии – Коммунистическая и Чехословацкая социал-демократическая. Они – одни из немногих в межвоенной Чехословакии – были построены не на национальной, а на идеологической основе. Максимальное количество политформирований в период пребывания Закарпаття в составе Чехословакии – 30. Большинство из них возникли после 1918 г., в то время как процесс создания подавляющего большинства чешских и словацких партий происходил во второй половине XIX – начале XX в., т. е. это были новые политические партии, пребывавшие на начальном этапе развития и не имевшие четкой организационной структуры.

Ключевые слова: Чехословакия, Подкарпатская Русь, русины, политические партии, национальные меньшинства, политические программы.

NATIONAL ISSUE IN THE PROGRAMS OF RUSIN POLITICAL PARTIES IN THE FIRST CZECHOSLOVAK REPUBLIC (1918–1938)

T.V. Pikovska

Vinnytsia National Agrarian University
3 Sonyachna Street, Vinnytsia, 21000, Ukraine
E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com

Abstract

The article focuses on the national issue in the programs of Rusin political parties during the Transcarpathian stay in the First Czechoslovak Republic (1918–1938). The author claims that the main requirement of most of political parties was the autonomy of Subcarpathian Rus. The refusal of the Czechoslovak authorities to comply with this demand led to an aggravation of the political situation in the region. The two most powerful ideological trends were Ukrainophilism and Russophilia. The multiethnicity of the Transcarpathian population contributed to the development of parties of other national minorities – Hungarian, Polish, Roma, and Jewish. The state-wide parties were also popular in the region – the Communist and Czechoslovak Social Democratic. These two parties were among those few in the interwar Czechoslovakia that were built on the ideological rather than national basis. The highest number of parties during the period when Transcarpathia was part of Czechoslovakia was 30. Most of them emerged after 1918, while the process of formation of the overwhelming majority of Czech and Slovak parties took place in the second half of the 19th – early 20th centuries. Thus, these were new political parties at the initial stage of their development and without a clear organizational structure.

Keywords: Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, Rusins, political parties, national minorities, political programs.

10 сентября 1919 г., согласно Сен-Жерменскому договору, Закарпатье вошло в состав Чехословакии под названием «Подкарпатская Русь». Стоит отметить, что русины в составе Чехословакии оказались разделены административными границами. Пряшевская Русь, на территории которой проживало 250 тыс. русинов, стала частью Словакии [19: 25]. Политическая система Первой Чехословацкой Республики (ЧСР) способствовала привлечению к политической жизни широких

слоев населения и, соответственно, появлению большого количества партий. Значительное влияние на характер политических формирований Подкарпатской Руси имело социально-экономическое положение края. На момент вхождения в состав ЧСР Закарпатье было отсталым аграрным краем с незначительным количеством интеллигенции. Состав населения, как национальный, так и религиозный, был чрезвычайно многообразен. Соответственно, идеологические концепции политических партий тоже были весьма разнообразными. Часть из них была принесены с Запада при посредничестве эмиграции. Это способствовало созданию большого количества политических организаций.

Целью настоящей статьи является базирующийся на принципах системности, научности, историзма анализ политических программ партий Подкарпатской Руси в контексте решения национального вопроса.

Источниковой базой для исследования указанной в статье проблематики стали фонды, хранящиеся в Государственном архиве Закарпатской области (ГАЗО). В частности, это фонды политических партий [8; 11; 12], а также личный фонд адвокатов Брашайко [9] и фонд «Гражданское управление Подкарпатской Руси» [10]. Кроме того, были исследованы публикации в периодических партийных изданиях [13] и опубликованные программы отдельных партий [14].

На современном этапе проведено большое количество научных исследований, посвященных межвоенной Чехословакии, в т.ч. истории Закарпатья в ее составе. Наиболее подробно эту проблему исследовали украинские, российские, чешские, словацкие историки. Стоит отметить работы таких авторов, как И. Поп, М. Вегеш, М. Барновский, М. Немцова, С. Суляк, П.Р. Магочий, М. Болдижар [1–3; 6; 7; 16; 18; 19]. Особенно стоит выделить работу М.Ю. Токаря [20], в которой автор исследует все основные политические течения на Подкарпатской Руси. Вместе с тем отметим недостаточный уровень исследования самих программ политических партий, а также влияния многонациональности на развитие Закарпатья.

В 1922 г. в крае насчитывалось 18 политических партий, через два года их количество достигло 30 [17: 127]. Часть этих партий были временными политическими образованиями. Они или быстро прекратили свое существование, или слились с более влиятельными партиями. Последних в Закарпатье насчитывалось около 13 [1: 83].

Политические организации на Закарпатье имели целый ряд отличий по сравнению с партиями других регионов республики. Первой особенностью партий края было то, что почти все они возникли после 1918 г., в то время как процесс создания подавляющего большинства

чешских и словацких партий происходил во второй половине XIX – начале XX в. Т.е. это были новые политические партии, пребывавшие на начальном этапе развития и не имевшие четкой организационной структуры.

Второй характерной чертой политической жизни Закарпатья было наличие чрезвычайно большого количества различных политических направлений и идеологий. Причина их появления состояла, в первую очередь, в чрезвычайной этнической и религиозной пестроте населения. Согласно переписи населения 1930 г., из общего количества населения Подкарпатской Руси (709 129 тыс. чел.) принадлежность к украинской, российской и русинской национальности определили 446 916 (63 %) граждан. Венгров в крае насчитывалось 109 472 (15,4 %), евреев – 91 255 (12,8 %), чехов и словаков – 33 961 (4,8 %), немцев – 13 246 (1,9 %), румын – 12 691 (1,8 %). Религиозный состав населения также отличался неоднородностью: 359 167 (50 %) греко-католиков, 112 034 (15 %) православных, 102 542 (14,1 %) евреев, 69 260 (9,4 %) римо-католиков [2: 958]. Безусловно, национальный и религиозный факторы играли значительную роль в политической жизни других регионов страны, однако в Закарпатье их действие усиливалось проживанием большого количества представителей различных национальностей на небольшой территории [1: 86].

Среди русинского населения, которое составляло 63 % населения Подкарпатской Руси, не было единства в вопросе национальной принадлежности. В русинской среде существовало три культурно-национальных направления: русское, русинское и украинское. Принадлежность к одному из этих направлений была определяющим фактором идеологической ориентации политических партий Подкарпатской Руси. Такое многообразие не способствовало единству внутри русинского политического лагеря. По этому поводу П. Кокайсл отмечал: «Депутаты, представлявшие население Подкарпатской Руси, не могли договориться даже о едином способе использования языка: в зависимости от принадлежности к той или иной политической партии они предпочитали русский, украинский или язык, основанный на местных диалектах (язычие)» [15: 240].

Процесс образования партий происходил двумя путями: распространением деятельности общегосударственных политических формирований в крае и возникновением региональных партий на основе национального, религиозного, классового и других принципов. Общей чертой всех местных партий стало наличие в их политических программах требований о предоставлении автономии Подкарпатской Руси, урегулировании вопроса границы края со Словакией, созыве местного сейма. Поскольку две трети населения Закарпатья состав-

ляли крестьяне, подавляющее большинство партий имело характер крестьянских [2: 957].

Одной из таких являлась Карпаторусская трудовая партия (КТП), которая была основана 12 июля 1920 г. под руководством А. Гагатки, И. Цуркановича и Ю. Гаджеги [10]. Политическая программа, принятая в день создания партии, указывала на ее явное русофильское направление. Она состояла из трех разделов. В первом разделе, который назывался «Политическая программа», партия требовала предоставления автономии Подкарпатской Руси, открытия сейма, введения русского языка как государственного, установления границ между Подкарпатской Русью и Словакией по этническому признаку. Для других народностей, проживавших на территории Подкарпатской Руси, она требовала соблюдения прав на свободное культурно-национальное развитие. Из содержания программы понятно, что жителей Подкарпатской Руси идеологи партии считали частью «великорусского народа». Подтверждением этого являются неоднократные политические заявления лидеров КТП, в которых они высказывались за включение Закарпатья в состав России, имея в виду Россию дооктябрьской эпохи [15: 3].

Карпаторусская трудовая партия требовала срочного предоставления автономии и протестовала против экономической политики правительства. Будучи лояльной к чехословацкой власти, она выступала за территориальную целостность государства.

Заметное положение в крае занимала организация проукраинского направления – Русская хлеборобская (земледельческая) партия (РХ (З) П) [11]. Идея ее создания возникла в среде украинских политических сил, объединенных вокруг общества «Просвіта». Непосредственными инициаторами ее создания стали А. Волошин, М. Бращайко, Ю. Бращайко, А. Штефан. Председателем партии был избран А. Товт [2: 960].

Официально партия была основана 15 июля 1920 г. В тот же день была принята ее программа. Она состояла из семи основных разделов. В первом разделе, который назывался «В государственно-правовых делах», партия требовала «объединить всех русинов от Попрада до Тисы», «предоставить широкую автономию Подкарпатской Руси» и «обеспечить мирное сосуществование национальных меньшинств в Подкарпатской Руси» [9]. Ее позиция по национальному вопросу также была высказана в третьей главе «В делах просвещения». В нем РХ(З)П требовала внедрить законодательным путем в школах и государственных учреждениях местный русинский язык [9]. Остальные разделы программы были посвящены социально-экономическим и религиозным вопросам.

Национальный вопрос в программе был представлен достаточно умеренно, лидеры партии не выдвигали никаких радикальных требований, ограничиваясь просьбой предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию. Следует отметить, что в течение всего периода своей деятельности партия в целом поддерживала политику чехословацкой власти.

Влиятельной политической организацией в крае был Подкарпатский земледельческий союз (ПЗС), основанный 10 июня 1920 г. В. Рижакон. На учредительном съезде партии была принята политическая программа, автором которой был Й. Каминский [18: 306]. Национальный вопрос рассматривался во втором разделе программы, который носил название «Политические требования». Там говорилось: «Требуем установления границ от Попрада до Белой Тисы для объединения всех русинов республики и немедленного утверждения автономии со своим русским языком» [10]. Кроме того, партия требовала «полного обеспечения прав национальных меньшинств, предоставленного мирными договорами» [10].

Партия активно критиковала централизованную политику пражских властей. Именно по ее инициативе 22 марта 1922 г. было опубликовано совместное заявление двенадцати политических партий Подкарпатской Руси о несогласии с политикой властей в крае. Отмечалось, что власть предпринимает шаги для улучшения положения Подкарпатской Руси в экономической, социальной и культурной сферах. Однако это не способствует решению политического кризиса в крае, суть которого заключается в ее недостаточном представительстве как в исполнительной, так и законодательной власти. В заявлении высказывались требования предоставления автономии, созыва местного сейма, а также решения вопроса об установлении границ между Подкарпатской Русью и Словакией. Это заявление было подписано представителями не только русинских партий, но и венгерских и еврейских политформирований, действовавших в крае, а также двух общегосударственных партий – Коммунистической и филиала Аграрной партии Подкарпатской Руси. К сожалению, такое широкое объединение всех политических сил края было недолгим. Фактически оно ограничилось общим подписанием этого заявления.

Поскольку власть не осуществила никаких активных действий по внедрению автономии, четыре русинские оппозиционные партии – ПЗС, КТП, РХ(С)П и Земледельческая автономная партия (ЗАП) – решили начать организационную работу по осуществлению партийного объединения [20: 86]. Созданная в начале 1922 г. объединенная политическая партия получила название Русинская земледельческая

автономная партия (РЗАП). В феврале 1923 г. она в своем меморандуме к власти выдвинула требования, при условии выполнения которых она согласна отойти от оппозиционной политики и сотрудничать с руководством страны. Это были уже традиционные требования проведения выборов в сейм Подкарпатской Руси, внедрения обещанной автономии, установления границ со Словакией. Позже они были дополнены требованиями внедрения местного языка в школах, помощи культурно-просветительскому обществу «Просвіта» [1: 87].

Заявление РЗАП поддержала Республиканская земледельческая партия (РЗП), которая была филиалом Чехословацкой республиканской партии (ЧРП). Это было обусловлено тем, что премьер-министр А. Швегла, возглавлявший последнюю, видел в РЗАП основу для возможного сотрудничества в крае. РЗП выразила свое согласие сотрудничать во «всех культурных, экономических и политических вопросах» с РЗАП [4: 45].

22 июня 1922 г. на съезде в Мукачево РЗП объединилась с РЗАП, образовав новую политическую организацию под названием Карпаторусская земледельческая республиканская партия (КЗРП). На ее съезде 19 августа 1923 г. лидер словацких аграриев М. Годжа в своем выступлении призвал КЗРП влиться в ряды чехословацких аграриев и поддержать политику властей. Именно это предложение о вступлении в ЧРП, а также вопросы, связанные с назначением губернатора Подкарпатской Руси, вызвали раскол внутри партии. В конце 1923 г. из состава объединения вышли ПЗС и ЗАП. Таким образом, потерпели неудачу попытка создания большой объединенной русинской партии, а также возможность правящей ЧРП получить политическое преимущество в крае путем привлечения этой партии в свой состав [4: 45].

ПЗС и ЗАП 10 января 1924 г. образовали новую организацию, названную Автономный земледельческий союз (АЗС) [18: 74]. Партию возглавил И. Куртяк, замененный через несколько лет А. Бродием.

26 января 1924 г. в Хусте состоялся конгресс, на котором была утверждена программа партии, состоявшая из трех разделов. Национальный вопрос освещался в третьем разделе программы «Политические требования». Основные его положения сводились к таким требованиям, как скорейший созыв сейма и проведение выборов в парламент, предоставление широких полномочий губернатору края, свобода мысли и собраний, обеспечение прав национальных меньшинств, гарантированных мирным договором, и пропаганда мирного сосуществования народов, проживающих в Подкарпатской Руси. Программа также содержала пункт о несогласии с централизованной политикой власти и создании из Карпатской Руси единой административно-территориальной единицы [8].

Стоит отметить, что партия тайно сотрудничала с венгерскими политическими силами и регулярно имела финансовую поддержку Будапешта. И. Куртяк, получивший депутатский мандат, активно призывал к внедрению автономии Подкарпатской Руси не только на общегосударственном, но и на международном уровне. Он был автором нескольких меморандумов, представленных в Лигу Наций, где требовал содействия международного сообщества в решении вопроса автономии Подкарпатской Руси. В 1929 г. АЗС вместе с КТП и Русской национально-автономной партией (РНАП) образовала Русский национальный блок. По результатам выборов 1929 г. Русский национальный блок получил 18,2 % голосов и оказался в числе сильнейших закарпатских партий [4: 51]. Однако сразу же после выборов из-за внутренних противоречий объединение распалось.

Идеологические противоречия между партиями, а также политические амбиции их лидеров были настолько большими, что делали невозможным их объединение и сотрудничество между ними. Особенно значимые различия существовали между партиями проукраинской и пророссийской ориентации. Наиболее острыми вопросами для них были проблемы языковой и национальной принадлежности местного населения. На развитие взаимоотношений между партиями влияли политические события в соседних государствах, а также деятельность русской и украинской эмиграции в Чехословакии.

Не только русинские партии были разделены на украинофильские и русофильские, но и общегосударственные политформирования выражали свои симпатии тому или иному направлению. Партии проукраинского направления поддерживали ЧСДРП и ЧНП. Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) в Подкарпатской Руси сначала склонялась к пророссийской ориентации [4: 51].

Стоит отметить, что коммунисты неизменно пользовались большой популярностью среди населения Подкарпатской Руси, о чем свидетельствуют результаты выборов. Вот причины, которые способствовали популяризации коммунистических идей среди населения: низкий уровень политической культуры жителей края, демократичность и многопартийность государственной системы, актуальность социальных требований во вновь возрожденном обществе [3: 85].

В середине 1920-х гг. взгляды коммунистов на национальный вопрос в Подкарпатской Руси изменились. В 1924 г. состоялся V конгресс Коминтерна, который поставил перед компартиями задачу большевизации. Его резолюция по национальному вопросу содержала и раздел об украинском вопросе в Польше, Румынии и Чехословакии [20: 192].

Под влиянием принятой резолюции 6 сентября 1925 г. в Мукачево состоялась VI краевая конференция КПЧ. На ней особое внимание ак-

центрировалось на культурно-национальном аспекте, подчеркивалось этническое единство украинского народа. В течение следующих двух лет вопрос национальной принадлежности русинов к украинскому народу, их языковая и культурная общность стали приоритетными в деятельности крайкома КПЧ: «Мы – часть украинского народа, говорим на том же языке, что весь сорокамиллионный украинский народ». Таким образом, коммунисты в Подкарпатской Руси пополнили ряды проукраинских политических сил. Однако, как отметил М. Барновский, в отличие от всех других украинофилов, коммунисты были украинофилами советскими [1: 88]. Они безапелляционно заявили, что окончательно решить национальный вопрос сможет «только советский общественный строй» [20: 194].

Партии пророссийского направления поддерживали чехословацкие национальные социалисты и часть аграриев.

Властные круги ЧСР сначала поддерживали украинский политический лагерь, с недоверием относясь к партиям пророссийского направления. Наиболее негативно воспринимались венгерские политические партии. По мнению пражской власти, политические формирования этого направления были сторонниками венгерского ирредентизма.

В конце 1920-х гг. в Подкарпатской Руси значительно усилилось влияние проукраинских политических партий. Это было обусловлено ростом национального самосознания местного населения в условиях демократического государства, деятельности украинской эмиграции как за границей, так и в ЧСР, переходом на проукраинские позиции КПЧ.

Именно в тот период отношение чехословацкой власти к украинскому движению в Подкарпатской Руси меняется. Прежде всего это было обусловлено образованием Организации украинских националистов (ОУН) в 1929 г. Созданные ОУН филиалы в других государствах значительно усилили активность украинской эмиграции. Беспокойство руководства ЧСР вызвала деятельность получившего широкую известность в крае крайкома КПЧ, который был в постоянном противостоянии с властью, занимая при этом проукраинскую позицию. Эти факторы способствовали охлаждению отношений между пражской властью и проукраинскими партиями [1: 88].

Следует отметить, что опасения властей Чехословацкой Республики по поводу возможного ирредентизма проукраинских партий в крае в общем были беспочвенны. По этому поводу П.Р. Магочий отмечал: «Все же было бы неверно характеризовать украинское движение в Подкарпатской Руси как ирредентистское и враждебное государственному единству. За исключением нескольких иммигрантских групп

и легкомысленных заявлений нескольких лидеров, большинство украинофилов (впрочем, даже коммунисты) были за дальнейшее существование Чехословакии. Если русофильские автономисты искали расположения в Варшаве и Будапеште, украинофилы в основном занимались независимостью и автономией, но в пределах Чехословацкой Республики» [16: 141].

Постепенно, с обострением конфликтов между партиями проукраинского и пророссийского направления, власти начали рассматривать возможность найти опору в крае в политическом русинизме. В отличие от других направлений, русинское движение не имело ни четко определенной национальной идеологии, ни собственной политической партии. Главным требованием сторонников этого направления было внедрение в крае местного русинского языка. Опорой его было крестьянство, которое составляло подавляющее большинство населения. Кроме того, его поддерживала значительная часть грекокатолического духовенства [1: 88].

С началом 1930-х гг. политическая ситуация в крае постепенно обострилась. Одной из главных причин этого обострения стало отсутствие обещанной автономии Подкарпатской Руси. Промедление в предоставлении автономии пражская власть объясняла неготовностью русинов к самоуправлению как в экономическом, так и в политическом контексте. Это усиливало радикализацию политического движения в Закарпатье.

В середине 1930-х гг. появилась новая партия, которая начала активно претендовать на лидерство среди русофильских движений, – Русская национально-автономная партия (РНАП), основанная 3 марта 1935 г. в Хусте. Лидером организации был избран С. Фенцик [7: 84]. Ее программа была принята 31 марта 1935 г. Первый и третий разделы содержали позицию РНАП по национальному вопросу.

В первом разделе «Политико-правовая часть» партия требовала предоставления широкой автономии Подкарпатской Руси и установления границ со Словакией. В нем содержалось видение идеологами формирования будущего автономного устройства края. В частности, партия требовала всю власть в крае передать губернатору, провести местные выборы в сойм Подкарпатской Руси и назначить на должности чиновников местных жителей.

Языковой вопрос должен был быть решен путем расширения использования русского языка во всех сферах общественной жизни. В частности, провозглашалась необходимость ведения делопроизводства в органах государственной власти, судах, школах и воинских частях Подкарпатской Руси на русском языке, а также издание на нем законов для края.

В третьем разделе под названием «Национально-культурная часть» партия требовала расширения культурных прав населения края, открытия театров, библиотек, собственного Подкарпатского университета и радиостанции. Также раздел содержал острый протест против чехизации и денационализации и призывал местное население «укрепиться в национализме». При этом провозглашалось доброжелательное отношение к другим национальностям [20: 135].

В целом позиция РНАП по национальному вопросу существенно не отличалась от взглядов других русофильских политических партий. Единственным отличием было более резкое, радикально-националистическое выражение своих взглядов. Стоит отметить, что в значительной степени такая позиция партии объяснялась мощной финансовой поддержкой со стороны венгерских и польских партий, стремившихся использовать РНАП для усиления политической нестабильности в крае.

В проукраинском политическом лагере в середине 30-х гг. тоже появилась новая партия, претендовавшая на роль лидера. Это была Украинская крестьянская партия (УКП), созданная по инициативе известной активистки Пряшевщины И. Невицкой 7 апреля 1935 г. в Ужгороде [2: 962].

На учредительном собрании было объявлено, что главной причиной создания партии было отсутствие единой национальной украинской организации, которая бы объединила все формирования украинофильского направления. Именно такое объединение партия провозгласила целью своей деятельности. Несмотря на смелость заявлений, она так и не сумела выработать целостную программу. Свои политические цели партия описывала в нескольких программных положениях, которые выходили в еженедельнике «Народная сила». Решение национального вопроса организация считала возможным путем предоставления «правдивой, полной автономии и выборов в сейм, чтобы народ мог избирать своих представителей» [20: 211].

Кроме того, УКП требовала, «чтобы все должности заняли на Подкарпатье правдивые представители, то есть сыновья украинского народа». При этом чиновники других национальностей, которые работали в местных органах власти, должны были сдать экзамен по украинскому языку [20: 212].

Эти программные положения существенно не отличались от заявлений других проукраинских партий края. Следует отметить, что главные задачи организации менялись в соответствии с изменениями политической ситуации в крае, что не способствовало усилению ее популярности.

Объединительная роль, которую пыталась взять на себя УКП, подверглась критике как среди населения края, так и среди проукраинских политических организаций. Прежде всего критиковались программные положения партии, в которых отсутствовала ее позиция по нескольким важным вопросам общественно-политической жизни. В частности, это касалось проблем крестьянства, которое составляло основу населения края [20: 139].

В середине 30-х гг. изменения произошли и в политической программе одной из самых популярных партий в Подкарпатской Руси – КПЧ. В то время перед коммунистами появились важные вопросы того времени – поиск союзников и целесообразность требования автономии края.

Одним из важных факторов, повлиявших на дальнейшие действия КПЧ в Закарпатье, стала перспектива фашизации Европы. Выдвигая общепринятый тезис об угрозе фашизма и объединения совместных усилий для борьбы с ним, члены крайкома КПЧ прежде всего надеялись возглавить это движение и под его демократическими лозунгами продолжить выполнение своих программных положений и реализацию долгосрочных целей. Такая политика стала следствием VII конгресса Коминтерна (в 1935 г.), в резолюции которого прямо отмечалось, что союз политических сил возможен в том случае, если он будет использован для эффективной реализации социалистического переворота [17: 248].

В то же время коммунисты изменили традиционное для всех автономных партий программное положение, касавшееся автономии края. В предвыборной кампании 1935 г. они заявляли, что «лозунг автономии есть только орудие для обмана трудящихся, на отрыв их от революционной борьбы за хлеб, работу и свободу» [17: 251]. Подобные лозунги можно рассматривать как предвыборный прием, попытку отмежеваться от остальных автономных партий в условиях мобилизации провенгерских автономно-политических сил. В дальнейшем коммунисты в вопросах автономии требовали от правительства выполнения взятых на себя обязательств.

Хотя коммунисты и находились в оппозиции к чехословацкой власти, они выступали за незыблемость границ и демократического устройства государства. Об этом заявил на встрече с премьером М. Годжи лидер закарпатских коммунистов А. Борканюк [5: 121].

В вопросе единения всех проукраинских политических сил края коммунисты занимали конкретную и неизменную позицию. На образование блока или союза с проукраинскими силами они идти не собирались, поскольку считали их буржуазно-помещичьими и клерикальными партиями [7: 208].

Обострение политической ситуации в Закарпатье заставило пражскую власть обратить внимание на проблему автономии Подкарпатской Руси. В ноябре 1935 г. конституционный комитет парламента выступил с инициативой начала переговоров, но премьер М. Годжа после переговоров с представителями политических партий Словакии и Подкарпатской Руси, увидев несовместимость их позиций по границе, отложил переговоры на целый год [17: 263].

Однако это промедление не устраивало партии Подкарпатской Руси. В августе 1936 г. пророссийские и проукраинские политические партии смогли достичь договоренности. С целью создания совместного проекта автономии Подкарпатской Руси они восстановили сотрудничество на базе Центральной русской народной рады (ЦРНР). Созданный ЦРНР проект был представлен 28 ноября 1936 г. [18: 396].

Главным принципом проекта автономии были провозглашены единство и неделимость территории ЧСР. В целом проект базировался на Сен-Жерменском договоре. Первым шагом к установлению автономии должен был стать созыв сейма Подкарпатской Руси. Согласно проекту, сейм имел право осуществлять власть во всех сферах общественно-политической и экономической жизни края. При этом он не имел права выводить Подкарпатскую Русь из состава ЧСР [4: 45].

Важным вопросом, по мнению авторов проекта, было установление границ автономии. Решение вопроса о границах с Румынией, Польшей и Венгрией в целом было понятно: «Границы Подкарпатской Руси с Польшей, Румынией и Венгрией тождественны границам Чехословакии». Значительно сложнее был вопрос о границе со Словакией. Ее с 1919 г. определяла демаркационная линия, не имевшая определенного официального характера, а потому вопрос оставался открытым. В проекте об автономии вопрос о границе быть решен следующим образом: «Определить западную границу автономии должен совместный комитет Национального собрания ЧСР и сейма Подкарпатской Руси не позднее, чем через год после первого заседания сейма». При определении линии границы ЦРНР предлагала принять во внимание «факты исторические, этнографические и статистические» [4: 45].

Проект автономии стал основой для переговоров ЦРНР с М. Годжей, которые начались 10 декабря 1936 г. Ведущую роль на переговорах со стороны закарпатских политических партий играли А. Волошин и Ю. Ревай. Они выразили свое несогласие с тем, что в Подкарпатской Руси подавляющее большинство административных должностей занимают чехи, а губернатор лишь символически представляет край, не имея при этом реальных полномочий.

Кроме того, А. Волошин требовал присоединения к Подкарпатской Руси части восточнославянских территорий от Попрада до Ужа. По-

следнее требование вызвало резкое несогласие премьер-министра, потому переговоры оказались неуспешными, проект ЦРНР, как и предыдущие проекты автономии Подкарпатской Руси, был отброшен властью [4: 47].

Переговоры по вопросу автономии Подкарпатской Руси были восстановлены в феврале 1937 г. Однако проект ЦРНР на них уже не обсуждался. В результате переговоров был издан т. н. «временный закон № 172», вступивший в силу в октябре 1937 г. Он определялся правительством как «первый этап установления автономии». Однако собственно автономия в нем предоставлена опять не была. Частично были увеличены полномочия губернатора. Он получил право назначать некоторых чиновников, иметь голос в делах конфессий и языков, возглавил земское правительство. Но вместо выборного сейма был создан совет из 24 членов, назначаемый губернатором [3: 26].

После Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. Национальное собрание Чехословакии под давлением Германии приняло закон «Об автономии Словакии и Подкарпатской Руси». Премьер-министром автономии был назначен А. Волошин [19: 25]. 28 октября 1938 г. чехословацкое правительство приняло декрет о прекращении деятельности всех действовавших в Подкарпатской Руси политических партий [20: 315].

15 марта 1939 г. была провозглашена независимость «Карпатской Украины». В тот же день Венгрия предъявила ультиматум о передаче власти венгерским военным органам. 16 марта А. Волошин с ближайшими сподвижниками эмигрировал в Германию. К 18 марта венгерские власти полностью установили контроль над всей территорией края. Была создана т. н. Карпатская территория, делившаяся на три административные единицы. Государственными языками были объявлены венгерский и «угрорусский» (русинский). Венгерские власти поощряли политику ускоренного формирования «угрорусинского народа» [19: 25].

Таким образом, русинский национальный вопрос в ЧСР был представлен в программах многочисленных политических партий, действовавших в Подкарпатской Руси. Двумя наиболее мощными идеологическими направлениями были украинофильство и русофильство. Кроме того, среди местного населения большой популярностью пользовались партии других национальностей, что объясняется пестрой этнической картой края. Ведущую роль в политической жизни края играла проблема автономии Подкарпатской Руси. Нерешенность этого вопроса привела к обострению политической ситуации в крае и радикализации политических программ отдельных политформирований. Стоит отметить, что положение русинов, проживавших в

Подкарпатської Русі, було несколько краще, чим русинів, живших в Східній Словаччині. Останні були позбавлені можливості вимагати автономії, мали обмежені можливості отримувати освіту на русинському мові і реалізовувати право на культурну самобутність.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Barnovský M.* Niekoľko poznámok k stranícko-politickej štruktúre Podkarpatskej Rusi // Česko-slovenská historická ročenka. 1997. № 1. S. 83–93.
2. *Němcová M.* Strany rusínské menšiny. Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004. 1. Díl: 1861–1938 / J. Upraveno Malíř, P. Marek a kol. Brno, 2005. S. 957–965.
3. *Pop I.* Malé dejiny Rusínov. Bratislava, 2008. 141 s.
4. *Švorc P.* Začlenenie Podkarpatskej Rusi do ČSR (1918–1938) // Česko-slovenská historická ročenka. 1997. № 7. S. 39–60 (59).
5. *Rupnik J.* Dějiny komunistické strany Československa. Praha, 2002. 285 s.
6. *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: Події, факти, оцінки. Ужгород, 2006. 380 с.
7. *Вегеш М., Фединець Ч.* Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / Відп. за вип. М. Токар. Ужгород, 2010. 720 с.
8. Государственный архив Закарпатской области (далее ГАЗО). Ф.1585. Оп. 1. Д. 32. Окружной секретариат Чехословацкой социально-демократической рабочей партии, г. Мукачево.
9. ГАЗО. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 9. Личный фонд адвокатов Брацайко.
10. ГАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 323. Гражданское управление Подкарпатской Руси.
11. ГАЗО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Христианско-народная партия. г. Ужгород.
12. ГАЗО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Краевой секретариат партии «Автономно-земледельческий союз», г. Ужгород.
13. Законопроект об автономии Подкарпатской Руси перед парламентом // Русский вестник. 5 февраля 1931. С. 1–2.
14. Карпаторусская трудовая партия. Ея цель, программа и организация. Пришев, 1920. 22 с.
15. *Кокайсл П.* Оценка положения карпатских русинов на основе дискуссий депутатов парламента Чехословацкой Республики в период 1918–1938 гг. // Русин. 2019. № 57. С. 230–250. DOI: 10.17223/18572685/57/13
16. *Магочій П.Р.* Формування національної свідомості: Підкарпатська Русь (1918–1948). Ужгород, 1994. 296 с.
17. Нариси історії Закарпаття. Т. II (1918–1945) / Відп. ред. І. Гранчак. Ужгород, 1995. 663 с.
18. *Поп І.* Енциклопедія Подкарпатської Русі. Ужгород, 2001. 431 с.
19. *Суляк С.* Русини: уроки трагічної історії // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
20. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919–1939). Ужгород, 2006. 380 с.

REFERENCES

1. Barnovský, M. (1997) Niekoľko poznámok k stranícko-politickej štruktúre Podkarpatskej Rusi [Some remarks on the party-political structure of Subcarpathian Russia]. *Česko-slovenská historická ročenka*. 1. pp. 83–93.

2. Němcová, M. (2005) Strany rusínské menšiny. In: Malíř, J. & Marek, P. (eds) *Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004* [Political parties. Development of political parties and movements in the Czech lands and Czechoslovakia in 1861–2004]. Brno: Nakladatelství Doplněk. pp. 957–965.

3. Pop, I. (2008) *Malé dejiny Rusínov* [Little History of Rusins]. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska.

4. Švorc, P. (1997) Začlenenie Podkarpatskej Rusi do ČSR (1918–1938) [Incorporation of Subcarpathian Russia into Czechoslovakia]. *Česko-slovenská historická ročenka*. 7. pp. 39–60.

5. Rupnik, J. (2002) *Dějiny komunistické strany Československa* [History of the Communist Party of Czechoslovakia]. Prague: Academia.

6. Boldizhar, M. & Boldizhar, S. (2006) *Derzhavnist' na Zakarpatti: Podii, fakti, otsinki*. Uzhhorod: [s.n.].

7. Vegesh, M. & Fedinets, Ch. (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira.

8. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). *Okružhnoy sekretariat Chekhoslovatskoy sotsial'no-demokraticeskoy rabochey partii, g. Mukachevo* [Regional Secretariat of the Czechoslovak Social Democratic Labor Party, Mukachevo]. Fund 1585. List 1. File 32.

9. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 1056. List 1. File 9. Braschaiko's personal fund of lawyers.

10. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 63. List 1. File 323. The Civil administration of Subcarpathian Rus.

11. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 63. List 1. File 323. Christian People's Party. Uzhhorod.

12. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 48. List 1. File 2. Regional secretariat of the party "Autonomous Agricultural Union". Uzhgorod.

13. Anon. (1931) *Zakonoprojekt ob avtonomii Podkarpatskoy Rusi pered parlamentom* [Bill on the autonomy of Subcarpathian Russia before the parliament]. *Russkiy vestnik*. 5th February. pp. 1–2.

14. Anon. (1920) *Karpatorusskaya trudovaya partiya. Eya tsil', programma i organizatsiya* [Carpatho-Russian Labor Party. Its purpose, program and organization]. Prešov: [s.n.].

15. Kokaisl, P. (2019) Assessment of the Situation of Carpathian Rusins Based

on the Discussions of the Czechoslovak Republican Parliament Deputies in 1918–1938. *Rusin*. 57. pp. 230–250 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/13

16. Magocsi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noi svidomosti: Podkarpats'ka Rus' (1918–1948)* [Formation of national consciousness: Subcarpathian Rus (1918–1948)]. Uzhhorod: [s.n.].

17. Granchak, I. (ed.) (1995) *Narisi istorii Zakarpattya* [Essays on the History of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya.

18. Pop, I. (2001). *Entsiklopediya Podkarpats'koy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: V. Padiak.

19. Sulyak, S (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

20. Tokar, M.Yu. (2006) *Politichni partii Zakarpattya v umovakh bagatopartiynosti (1919–1939)* [Political parties of Transcarpathia in the conditions of multiparty system (1919–1939)]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.

Пиковская Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры права Винницкого национального аграрного университета (Украина).

Tetiana V. Pikovska – Vinnytsia National Agrarian University (Ukraine).

E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com